

© 1995 г.

Т.Э. КОВАЛЕВА, Н.В. ИВАНЧУК

ЖЕНЩИНЫ: РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Авторы работают в Уральском кадровом центре. КОВАЛЕВА Татьяна Эдуардовна — кандидат философских наук, научный сотрудник. ИВАНЧУК Николай Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социологии.

Одним из ключевых мотивов политического поведения является потребность во власти. Социально, политически неоправданы как абсолютизация, фетишизация этой потребности, так и ее принижение. Без расширения доступа к власти, включенности в политическую систему, женщины лишаются многих ресурсов реализации своих интересов. Например, в США, с их демократическими традициями, с суждением «если женщины не будут заявлять о себе и не противодействовать мужчинам, то ничего не будет сделано в решении их насущных проблем» согласны 71% опрошенных женщин и 67% мужчин [1, р. 24].

Нельзя не отметить, что в целом политические потребности женщин, как свидетельствует практика многих стран, чаще удовлетворялись в ответ на запросы других, чем на потребности, выраженные самими женщинами [2, р. 49].

Первый опыт демократических преобразований в России показал опасность и другой тенденции — демократизация может использоваться как фасад, под прикрытием которого нарушаются права наименее защищенных групп населения. Так, в Уральском регионе, по результатам проведенных нами исследований, среди безработных женщины составляют 75%.

Одно из трудно преодолеваемых последствий недавнего прошлого — разделение российского общества на две большие части. Одна из них — те, у кого сформировались завышенные властные притязания, стремление к монопольному обладанию властью. Другая — не только индивиды, но и социальные группы с низким уровнем притязаний на власть и участие в политике.

Господствующая в нашем обществе патриархальная политическая культура по сей день затрудняет доступ женщин в политику, изображает ее как сугубо мужское дело. Созданы и функционируют многочисленные мифы о женской эмансипации, универсальной человеческой природе, которая в действительности является сугубо мужской и т.д. Они прикрывают и камуфлируют реально существующее неравенство полов.

Сама потребность во власти, уровень ее развития коррелирует с целым рядом близких к ней потребностей — *affiliative needs*, в идентификации, групповой принадлежности и т.д. Их удовлетворение и развитие важно не только само по себе, но и для осознания женщинами наличия у них общих целей, необходимости самим активно участвовать в их реализации.

Одной из типологий мотивов, имеющих существенное значение для анализа политического поведения, является их подразделение на эгоцентрические и социоцентрические [3, с. 283]. В силу специфики социальных и других потребностей женщин, их биологической и социальной природы стремление к власти у них зачастую в гораздо большей степени, чем у мужчин, наполняется социоцентрической, альтруистической мотивацией. На наш взгляд, нельзя не согласиться с таким суждением — «женское базовое ощущение "я" более родственно с другими, более привязано к ним, тогда как мужское базовое "я" — отдельность» [4, с. 17].

Женское начало в целом и в политике в частности играет связующую объединяющую роль. Если оно блокируется, не реализуется, социум не получает необходимой устойчивости и стабильности. Причем в самом механизме удовлетворенности — неудовлетворенности социальных и других потребностей исключительно велика роль относительной лишенности (депривации) [5].

Относительная депривация связана с соотношением своих утрат с бедами, лишениями других людей, других групп населения. Важно не только то, чем люди неудовлетворены объективно, но и то, как они эту неудовлетворенность воспринимают субъективно. Сегодня стандарты грубо уравнительного распределения разрушаются, но переход к новым нормам оказывается весьма болезненным для многих женщин, как в силу резкости самого перехода, психологической неподготовленности к нему, так и явно недостаточного управления этим процессом со стороны государства.

Сохранение и укрепление создающего альтруистического начала женских социальных потребностей в условиях перехода к рынку — исключительно трудная проблема.

В структуру мотивации политического поведения женщины в качестве одного из слагаемых, помимо потребностей, входят и ожидания индивидов и социальных групп. Социальный пол и пол вообще может быть адекватно понят «как ожидания в отношении самого себя и в отношении других» [6, р. 207]. Для ожиданий женщин характерно то, что они во многом ориентированы на одобрение мужским полом.

Одной из основных причин, влияющих на желание женщин-депутатов и дальше активно участвовать в политической жизни, как показали проведенные нами исследования депутатского корпуса Свердловской и Пермской областей в 1992—1993 гг. является отношение к этой деятельности со стороны прежде всего мужей, а также других членов семьи. У значительной части женщин-депутатов (от 22% до 29%) мужья «не одобряют» стремление жен заниматься депутатской деятельностью, а еще больше — не определили своей позиции.

Преодоление незрелости мотивации женского политического поведения — это во многом преодоление кризиса ожиданий, неудовлетворенности женщин в своем будущем и будущем своих детей. Для женщин потребность в детях — это мотив-«донор», который заставляет ее бороться за себя, детей, семью. Это внутренний, «подлинный мотиватор» поведения женщин. В трудных условиях они «одалживают» у мотива-«донора» побудительную силу [7, с. 173]. Происходит сдвиг «мотива на цель». Такие цели как лучшее будущее детей, их безопасность, благополучие становятся доминирующими в женском поведении.

Женщины имеют более низкую самооценку, чем мужчины. Это подтверждается результатами наших исследований, проведенных в Свердловской и Пермской областях на четырех подгруппах респондентов: женщин и мужчин — депутатов (как элитной, наиболее продвинутой части общества); женщин и мужчин — представителей средних слоев общества; женщин-безработных и женщин-преступниц.

Заниженная самооценка респондентками самих себя, своих возможностей влиять на ход событий порождает у них чрезмерное упование на органы власти, государство, на возможности государственного сектора экономики. Именно с ними прежде всего они связывают свои надежды. Как показали результаты проведенного опроса, среди женщин-безработных в Чкаловском районе Екатеринбурга и г. Березники Пермской области, отвечая на вопрос «Где бы Вы хотели работать?» 81% и 93% респондентов называли привычные для них государственные предприятия и учреждения.

Для такой группы женщин, как криминальные маргиналы, характерно несамокритичное отношение к себе, к своим способностям. Многие из них после отбывтия срока заключения в исправительно-трудовой колонии предполагают заняться предпринимательской деятельностью, слабо представляя, насколько это сложный вид труда, каких профессиональных качеств

он требует. Так почти 1/3 респонденток, отбывающих наказание в ИТК Мб фт Нижнего Тагила, хотя после освобождения заняты именно предпринимательством.

В структуру мотивации политического поведения входят в средства реализации поставленных целей. Женщины по своей биологической и социальной природе менее склонны к инверсии целей и средств, к насильственным, незаконным действиям. Ряд зарубежных исследователей отмечают, что чем образованнее женщины, тем более характерно для них миролюбие [2, р. 59].

Мужчины с сильно выраженными властными потребностями более склонны (чем женщины с такими же властными побуждениями) выражать их в агрессивном, авторитарном поведении. Как следствие — мужчины в большей мере сталкиваются с проблемами, связанными с поддержанием нормальных взаимоотношений с другими людьми [8]. Женское политическое поведение — это «амортизатор» мужского. В то же время мужское политическое участие придает женскому инициативность, последовательность, дальновидность. Более реалистичский антропосоциологический подход к решению этих проблем позволяет повысить эффективность политического участия обоих полов, смягчить политический климат в нашем обществе.

Когда речь идет о женском политическом поведении, то выделяется политическое действие «act hoc», Женское политическое участие легче пробуждается, когда имеется ситуация, требующая незамедлительных конкретных действий. Данная особенность поведения женщин вряд ли может быть оценена однозначно. Она имеет и сильные, и слабые стороны. Женский менталитет подвластен внушению и обаянию сильной личности, нередко отдаст предпочтение авторитарному лидеру, который способен убедить в правильности своих действий, обладает харизмой. Большая внушаемость женщин по сравнению с мужчинами, может быть, в каких-то отношениях и благо, но чаще всего она все-таки — минус, ибо создаст реальные возможности для манипулирования женским политическим сознанием,

Названными слагаемыми, хотя они относятся к числу ключевых, система мотиваторов женского политического поведения не исчерпывается. В нее входят и такие недостаточно изученные элементы как предрассудки, иллюзии, мифы и т.п. Политические иллюзии возникают прежде всего на основе неудовлетворенности весьма насущных потребностей — в свободе, равенстве, социальной справедливости. Политическим иллюзиям зачастую присуща большая мобилизующая сила.

Возникает и такой вопрос — оправдано ли дифференцировать политическое поведение полов, исследовать различия в их мотивации? Думается, что оправдано. Признание таких различий (при всей трудности их установления) лишь констатация реальных фактов, реальной дифференциации. Ее камуфлирование, «маргинализация» половых различий приводили и приводят к замалчиванию точки зрения женщин «в моральных и политических разногласиях» [4, с. 48] затрудняют процесс их преодоления.

В соответствии с учением о Божественной Премудрости или Софии, разработанном В.С. Соловьевым и его последователями, мир софиев и полноценное человеческое бытие — тоже. Непредставленность ждского начала в мире, а тем более его подавленность — это зло. Не стоит говорить о том, насколько важно в нашем посттоталитарном обществе возрождать эти идеи и идеалы, утверждать их на практике. Социологическим различиям, учету их воздействия на политическое поведение должно найтись достойное и весьма заметное место в отечественном обществоведении, в том числе в социологии. Но нужно подчеркнуть тонкость этих различий, необходимость использования соответствующего социологического и политологического инструментария. Так, проведенные интервью среди женщин-заклученных, изучение их образа жизни, привычек требует специальной психологической подготовки.

Маргинальные группы, в том числе женские, их социальное и политическое поведение пока еще не стали постоянным предметом социологических исследований.

Маргинализация — реальный процесс в современном обществе; те млн иные его группы периодически оказываются или могут оказаться в промежуточном состоянии, с нарушенными социальными связями. Оттеснение на обочину жизни в переходные периоды становится уделом особенно большого числа людей «прежде всего слабо социально защищенных».

В переходный период действуют различные типы личности: классический (традиционный), маргинальный и современный. Среди черт женского маргинального типа можно выделить: высокую внушаемость; огромный разрыв между ожиданиями и реальностью, раздвоенность, амбивалентность; упрощенное представление о рынке как легком способе обогащения; низкую самокритичность или вообще отсутствие таковой и некоторые другие.

Особым ресурсом, средством мотивации женского политического поведения является язык, весь спектр его выразительных, мобилизационных возможностей. Роль языка велика на всех

этапах, фазах развития мотивационного процесса. Язык по своей природе социологичен, выражает определенные групповые нормы, содействует или, напротив, затрудняет процесс усвоения этих норм другими группами.

Тоталитарный язык — это язык приказа, слепого повиновения, преклонения перед вышестоящей властью и пренебрежения к личности, к тем, кто занимает нижние ступени социальной иерархии. Этот язык удивительно живуч и сегодня. Анализ публикаций в региональных газетах («Уральский рабочий», «Областная газета», «Вечерний Екатеринбург» и других) за 1990—1993 гг., посвященных имиджу женщины, показал следующее. В большинстве случаев (57%) женщины изображаются крайне отрицательно — как «матери-кукушки», оставившие своих детей в роддомах, как проститутки, алкоголички, наркоманки. Такого рода способ «презентации» женских проблем не только не содействует пробуждению симпатии общества к женщинам, но, напротив, создает превратное представление о самих женщинах и целом, затрудняет процесс становления и углубления женской политической мотивации.

Для успеха реформ в России и других странах СНГ необходимо наряду с решением иных задач мобилизовать существующие ресурсы, дискурсы, чтобы сказать то, что хотят сказать самые разнообразные группы и слои общества, в том числе женщины. Новые слова, понятия позволяют выразить новую символику, «новые метафоры, благодаря которым мы сможем жить нашими собственными жизнями» [9, с. 504]. К женской проблематике это имеет самое непосредственное отношение. Еще совсем недавно термин «феминизм» был ругательным. Сейчас он признан. Однако и сегодня стоит проблема органического включения его идей в отечественную политическую культуру.

Все больше социологов, политологов вполне обоснованно проводят различие между понятиями «gender» и «sex». Недифференцированность этих понятий позволяет манипулировать социальными проблемами женщин, в частности, изображать социальное как биологически предопределенное. Однако реально существующая в нашем обществе иерархия полов — результат не биологических различий между ними, а соответствующей политики, на протяжении многих лет проводимой тоталитарным государством. Поэтому, поддерживая позицию автора социогендерного подхода — Г.Г. Силласте, мы считаем, что при изучении женской проблематики акцент необходимо делать на исследовании социогендерных отношений [1] как своеобразном комплексе социальной и биологической подсистем. В этом комплексе социальной подсистеме принадлежит исключительно важная роль.

Вместе с тем при всей важности разграничения пола на социальный и биологический он — целостное явление. Пол — это органическое единство материального и духовного, природного и культурного. Отрыв одного от другого приводит к деформации, искажению его объективного содержания. «Сексуальность еще не есть пол и даже может стать отрицанием его высшего начала, но она в то же время и не отделима от пола, который не существует без нее, как огонь без солнца» [11, с. 257].

Новые дискурсы, признание (правовое, нравственное, политическое) за женщинами присущей им биологической и социальной природы, специфических потребностей и интересов — важный ресурс социальных и политических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Women. Power and Policy / E. Boneparth (ed.). New York. 1982.
2. Baxter S., Lansing M. Women and Politics. The visible majority. University of Michigan Press. 1983.
3. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1479.
4. Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993.
5. Marsh J. Political action in Europe and USA. London. 1990.
6. Worell J. Gender in close relationships: Public Policy is Personel Prerogative // Journal of Social Issues, 1993, V. 44. № 3.
7. Вильнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека, М., 1990.
8. Motivation and Society, London, 1982,
9. Davies B. The Problems of Desire // Social Problems. 1990, V. 37. № 4.
10. Силласте Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социол. наслед. 1994. № 3.
11. Булгаков С.И. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994,